
К ПРОЧТЕНИЮ “КНИГИ” НАРЕКАЦИ

ГРАЧИК МИРЗОЯН

Тщательное изучение литературного наследия Григора Нарекаци и, в частности, вершинного его создания – “Книги скорбных песнопений” – показывает, что иногда даже одно-единственное слово может иметь решающее значение для правильного понимания высказанного поэтом в его произведении. В подтверждение рассмотрим принятое поныне толкование слова *միջոց* – “мижджог” (миджджог) и представим его в другом, новом толковании. В главе 17 “Книги” читаем:

Но и, будучи отдален большим расстоянием,
Силой слова твоего я исцелюсь¹.

Здесь словосочетанием “большим расстоянием” передается армянское *միջոցաւ մեծաւ*.

Во всех существующих переводах “Книги” Нарекаци на новоармянский занимающее нас слово *միջոց* передано со значением расстояние. В том же значении выступает оно в русских переводах: у Вл. Микушевича “большому расстоянию” соответствует “издалека”²; у Л. Миля значение отдаленности передано с привлечением “близости” (“не только на расстоянии близком”)³. Как видим, и в армянских, и в русских переводах (надо полагать, и в переводах на другие языки) словосочетание *միջոցաւ մեծաւ* передается в значении пространственном. Нам представляется, что это не только неверно, но и противоречит присущему Нарекаци видению и пониманию Бога. Справедливости ради следует отметить, что такое толкование идет от “Нового словаря армянского языка” (в двух томах, Венеция, 1836–1837), поныне самого богатого и авторитетного. Там из семи значений слова *միջոց* первым указано пространственное значение и среди прочих примеров дана первая строка вышеприведенного двустихия Нарекаци⁴.

На наш взгляд, в данном случае слово *միջոց* употреблено поэтом не в пространственном, а в другом, временном, своем значении. А именно: поэт говорит здесь о том, что не расстояние большое, а время (отрезок, промежуток

---

¹ Григор Нарекаци, Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и комментарий М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вст. статья С. С. Аверинцева, М., 1988, с. 71. Далее все цитаты (с указанием в тексте страницы) по этому полному научному изданию “Книги” на рус. яз. Хотя и здесь в отдельных случаях перевод неточен, тем не менее по содержанию в целом он несравнимо ближе к оригиналу, чем переводы поэтические, поэтому предпочтение отдается ему.

² См.: Григор Нарекаци, Книга скорбных песнопений. Перевод с древнеармянского Владимира Микушевича. М., 1985, с. 70.

³ См.: Григор Нарекаци, Книга скорбных песнопений. Перевод Леонида Миля. Ер., 1984, с. 49.

⁴ См. «Նոր բառգիրք հայկազգեսն լեզուի», հ. 2, Վենետիկ, 1837, էջ 281. В дальнейшем – Айказяновский словарь.

времени) отделяет его от Бога и он надеется на исцеление словом Божиим и на восстановление ранее бывшей, а затем прервавшейся своей связи с Богом. Чем, однако, такое утверждение обосновывается?

Можно заметить, что ту или иную мысль Нарекаци зачастую выражает в своей “Книге”, варьируя ее, в различной форме. Так, слово *միշոց* в аналогичном значении употреблено и в главе 25. Здесь, образно описывая крушение корабля под натиском волн разбушевавшегося моря, поэт проводит сравнение его с собственным духовным крушением:

Ибо, покуда шел я по жизни беззаботно, прямо и уверенно,
Слегка опасаясь лишь злоключений,
Вспоминая [о них] в краткую пору между трудами и отдохновением –
Будто я уже достигнул его, –
Грянула зима, наступила в пору летнюю,
Налетела с вьюжными метелями и нарушила
Покой бурным натиском.
И челн утонул под ударами лютых волн (с. 92-93).

Хотя в оригинале слово *միշոց* (в падежной форме *միշոցիմ*) явно употреблено здесь во временном значении, поскольку отдых и труд разделяются не расстоянием, а временем (промежутком времени), тем не менее не все армянские переводчики дают здесь правильный перевод. В русских же переводах мы видим именно временное значение.

Продолжая размышлять, поэт приводит параллель между собою и кормчим, на берегу оплакивающим свой разбитый, потонувший корабль, и лелеет надежду на обновление, “исцеление” сокрушенного корабля своей души. Приведем этот фрагмент, учитывая его важность:

Возможно ль хоть раз увидеть мне
Многажды сломанный ковчежец тела моего обновленным?
Возможно ль увидеть мне разбитый корабль скорбной души моей
исцеленным?
Возможно ль увидеть меня, разлученного *большим расстоянием*,
Вновь воссоединенным[с тобой]? (Здесь и далее курсив наш. – Г. М.)
Возможно ль увидеть вновь ликующим
Многострадальное сердце мое, [сердце] скорбящего?
Можно ль уповать лицезреть навек разрушенный
Образ естества моего вновь украшенным?
Можно ль увидеть мне, злополучному,
Разрушенную скинию вновь восстановленной?
Можно ль уповать вновь увидеть меня,
Отверженного узника, освобожденным?
Можно ль, наконец, мне надеяться,
Что вновь оправлюсь я –
Я, лишенный света благодати твоей?
Ужель увижу я присущее сиянию твоему благолепие
Проявленным ко мне милосердием?
Увижу ль я когда души своей загрустивший лик улыбающимся?
Ужель услышу я вместо звуков рыдания благую весть, посланную мне?

Ужель узрю снова в целости себя я – чаша, разбитая десять тысяч раз?
 Ужель увижу я окнами очей разума моего
 Истребленными моих долгов рукописания?
 И не станет ли день тоски моей
 Благодной зарей дарованного мне очищения?
 Ужели пойду я на торжество под сенью света ведомый тобой?
 Ужель оживут омертвевшие и иссохшие косточки мои,
 Ожившие, как у Иезекииля под влиянием могущественного духа?
Ужель еще раз я смогу взглянуть на храм твой святой,
 Как вскричал пророк из чрева кита, -
 Я, лишенный света и охваченный стыдом пред тобою?
 Ужель грядет восход для меня, вскормленного во мгле и уже померкшего?
 Ужель выпадет мне, страждущему вечно в холоде,
 Увидеть приближение весенней поры?
// Ужель увижу я капли дождя, что зазеленят луг моей души?
 Ужель узрю я, отвергнутая дикая овца,
 Опять себя в пастве доброй воли твоей? (с. 94-95).

Очевидно, что в приведенном фрагменте речь идет о неких утратах, имевших место в прошлом, и о надежде в будущем восстановить утраченное. Это явствует из всего контекста, об этом говорит многократное употребление таких слов, как “вновь”, “снова”, “когда”, “еще раз”, “опять” и др. Примечателен, в частности, четвертый стих фрагмента, содержащий в оригинале занимающее нас слово в уже встречавшемся словосочетании “мицоав мецав” (в русском переводе переданный двумя стихами: “Возможно ль увидеть меня, разлученного большим расстоянием, / Вновь воссоединенным [с тобой]?”). Так же, то есть со значением пространственным – разъединяющего, разлучающего большого расстояния, передают этот стих и армянские переводчики, не замечая, что в этом случае, при разделяющем расстоянии, невозможно выражение “вновь воссоединенным [с тобой]”. Между тем, как и в ранее приведенной строке главы 17 (“Но и, будучи отдален...”), здесь речь не о “большом расстоянии”, а о “большом времени” (отрезке времени, сроке) разделенности, разъединенности, разлученности, отстраненности. В случае Нарекаци мог оказаться “большим” и срок не очень длительный, ибо таким беззаветным в вере священнослужителем, как он, отстранение, отрешение от церкви даже на несколько лет могло переживаться как длительное – “большое” – время. А что примерно за три года до того, как Нарекаци приступил к созданию “Книги”, в 997 году к нему были применены со стороны церкви определенные меры наказания, становится ясно не только из приведенных выше выражений, но и из всей “Книги” и, в частности, из ее главы 27⁵.

Косвенные намеки на это содержатся также в написанном за несколько лет до “Книги” “Похвальном слове Апостолам” и в главе 92 “Книги”. В первом случае, обращаясь к апостолам и к семидесяти двум ученикам Хри-

⁵ Об этом см. нашу статью “Загадка Нарекаци” // Յ. Ղ. Միրզոյան, Նարեկացիագիտական հետազոտություններ (հոդվածների ժողովածու), 2010, էջ 35–67.

ста, Нарекаци пишет: “Во имя высокой хвалы вам вышел я из небытия молчания, заговорил...”. На это обратил внимание еще в XIX веке видный арменовед и знаток творчества Нарекаци Габриел Аветикян. Аналогичный намек находим и в главе 92 “Книги”, где, обращаясь к Богу, поэт говорит: “Вернул к жизни из небытия неразумия адского... / Нас, растерявших рассудок, вновь образумил / Духовной мудростью твоей”⁶. Фактически под “небытием молчания” и “небытием неразумия адского” или, если передать правильно, “бессловесности (бездеятельности, праздности) адской” поэт подразумевает тот же временный перерыв в своей деятельности, оцениваемый им при завершении “Книги” во всей его тяжести, отчего и в первом случае он определяет свое состояние всего лишь словами “небытие молчания”, а во втором – как “небытие бессловесности (бездеятельности) адской”, что для творческого гения равносильно состоянию “растерявшего рассудок”.

Фактически поэт мечтает не о сближении, воссоединении с Богом в “расстоянии”, а о возвращении в лоно церкви, присоединении к пастве Христа, что явствует из строк приведенного выше фрагмента: 1. Ужели пойду я на торжество под сенью света ведомый тобой? 2. Ужель еще раз я смогу взглянуть на храм твой святой? 3. Ужель узрю я, отвергнутая дикая овца, / Опять себя в пастве доброй воли твоей?

Заметим и то, что в главе 15 поэт, напрямую сравнивая себя с евангельской блудной овцой, пишет:

Подобно овце, обреченной на бесчувствие крайнее,
О презренном примере коей говорится в притче второй,
И я, заблудший, бродил в безлюдных горах
Со злонравными духами среди идолов диких;
Держась вдалеке от маленькой паствы [верующих]... (с. 65).

Как видим, Нарекаци здесь прямо говорит, что притча о блудной овце относится к нему, то есть он сам в какую-то пору уединился в горах, отчаявшийся и бесчувственный, но смог затем совладать с собою и снова творить, хотя и остается отстраненным от церкви. Отсюда и исполненный сомнения вопрос: Ужель узрю я, отвергнутая дикая овца, / Опять себя в пастве доброй воли твоей?

Кстати, в той же главе 15 в строке цитируемого нами перевода “Один из которых был замучен до смерти...” (с. 66) фактически пропущено слово *ւիշոց*, употребленное в оригинале и рядом переводчиков воспринятое именно во временном значении. Примечательно и употребление этого слова в главе 93, где читаем:

// И поелику великая сила сия,
Словно нечто недостижимое, неуловимое,
В полете стремительном на легких крыльях воображаемых, –
Что превыше нашего разумения, –
Как недоступный преследованию беглец,
Исчезла бесследно в просторе широком,

---

⁶ Здесь две необходимые поправки к переводу: 1) вместо “неразумия” правильнее “бессловесность”, “бездеятельность”, 2) должно быть не “нас”, а “меня”.

Полностью удалилась, сокрылась от меня,
И нет для нее ни образа сходного,
Ни примера соответного,
Ни определения подобного
И ни меры, равной для измерения,
Но одинаковостью со знаком божественного твоего знамения
И кровью твоею, о животворец,
Явила духовное превосходство свое,
Днесь благослови, о господи, ею и в ней (с. 322-323).

Принимая за основу пространственное значение слова “широкий”, выражение, сочетающее его со словом *ւիդոց*, традиционно воспринимали в значении пространственном (“Исчезла бесследно в просторе широком...”). Между тем не следует забывать, что величайший в армянском языке словотворец Григор Нарекаци не только создавал множество новых слов и словоформ, но и расширял употребление уже известных, сообщая им новый смысл и смысловые оттенки. Примером тому применение во временном значении слова “широкий” (*լայն*), воспринятого нарекациеведами в значении пространственном, что опять-таки идет от Айказяновского словаря, в котором к пространственному значению слово *լայն* (широкий, обширный) приводится данное выражение Нарекаци. По нашему же мнению, поэт использует здесь это слово как определение к слову *ւիդոց* во временном его значении, аналогично определению “большое”. И подсказывается это прежде всего тем, что мир представляется ему не как нечто вещественное, вещество, а как “великая сила сия”, которая “полностью удалилась, сокрылась” (удалена, сокрыта) от него, то есть вследствие наложенного на него наказания он чувствует себя как непомазанный, лишенный благодати. Почему и в конце главы просит Господа о том, чтобы отныне ничего плохого не происходило с миропомазанным, чтобы никогда не оставляла его благодать:

Пусть для тех, кто вооружится [помазанием],
Знаком небесной победы станет то,
Что не утонут они в воде,
Не сгорят в огне,
Не остынут на холоде,
Не угаснут от вредоносного ветра,
Не осквернятся видениями греховными,
Не предадут “сохраненного” духу злему.
И, удаляясь из поднебесной,
Не утерпят по глупости сбереженных сокровищ жизни,
Не останутся без вспомоществующей тени крыл твоих
И от себя не отринут жизнью порочной помазание обретенное,
// Но милостью твоею да возгоримся мы им,
Утучнимся им, просветимся им,

Оправданные, освобожденные, увенчанные и воцаренные им (с. 323-324).

Из всех пожеланий поэта важнейшие в стихе “И от себя не отринут жизнью порочной помазание обретенное”, проясняющее нам и стих со словом *ւիդոց* в сочетании с определением “широкий” переданный по-русски как

“Исчезла бесследно в просторе широком”. Айказяновский словарь употребленной в этом стихе оригинала глагольной форме придает целый ряд значений, среди которых такие: отрешить, отодвинуть, отъединить, отделить, разделить, расщепить, отставить. Поэт фактически сообщает, что он на обширный (широкий) срок, то есть на долгое время лишен был благословения миром или “великой силы”, почему и обращает теперь к Господу эту просьбу. Сказанное станет еще понятнее, если вспомнить, что в предшествующих фрагментах этой главы, особенно во фрагменте 18 поэт, прославляя мир, перечисляет множество его благих значений и назначений и дает ему такие определения:

Распорядитель религиозного действия,
Попечитель [благочестивой] жизни,
Связь собраний [верующих];
.....
Уничтожение талисманов,
.....
Посрамитель колдунов,
Уличитель ереси,
Могучий противник бесов,
.....
[Явление] непостижимое для некрещеных,
[Вызывающее] изумление у язычников
И зависть у неверующих;
Проявление таинств [божьих],
Почет обездоленным,
.....
Рукополагатель в чин священный,
Блюститель чистоты,
Корона царей,
Великолепие венценосцев,
Превосходство кесарей (с. 318).

И после всего этого во фрагменте 20 той же главы поэт счел нужным сказать:

//Поелику, не забывая мерзкого нрава своего,
Что смягчен милосердием твоим, о всевышний,
Я вновь возношу тебе хвалы величальные,
Посему суть истинную слова [миро]
Представлю еще и в ином образе,
.....
И [вправду] отсеченные и отторгнутые сим духовным помазанием
.....
С неизреченным таинством распятия твоего,
И, крещенные в смерть твою, о живой,
Мы, самим тобою, о боже, вполне ободренные,

Приобщимся тем самым к вечной жизни твоей
Навсегда, окончательно, неразлучно (с. 320).

Как видим, Нарекаци, с одной стороны, не хочет вспоминать того, что произошло с ним в прошлом, то есть что он на долгое (обширное) время отрешен был от “великой силы”, а с другой стороны, не может забыть этого своего “мерзкого” состояния, которое ныне смягчено милосердием всевышнего, то есть теперь он восстановлен в правах, вернулся в лоно церкви и благодати. Более того, поэт желает неотрывного, неразделимого, “неразлучного” единения с Богом не через пространство (расстояние), а через мир, именуемое им “великой силой”.

Примечательно, что слово *ἄῤῥῆ* Нарекаци употребляет во временном значении также в Памятной записи “Книги”, где, описав довольно подробно захватнические действия византийского императора Василия II в Малой Азии, Грузии и Армении, говорит, что свою “Книгу” он писал “... в это время (в оригинале здесь *ἄῤῥῆ* – Г. М.) покоя, когда наконец были поправаны враги церкви...” (с. 327).

Есть, наконец, и логическая сторона вопроса, которую ни в коем случае не следует игнорировать. Дело в том, что поэт, говоря о своей “отдаленности”, “разлученности” с Богом, не мог, естественно, подразумевать под этим отдаленность, разлученность пространственную, ибо в этом случае придется признать и то, что некогда он пребывал в сближении, соединении с ним в пространстве. Вне всякого сомнения, то, что пространством, расстоянием могут разделяться лишь формы пространственные, тогда как Бог в понимании Нарекаци не- и вне- пространствен, он – “Недоступный, непостижимый, непознаваемый, / Неизреченный, незримый, / Невидимый, неосязаемый” (с. 35), “Недоступно далекий и неразделимо близкий” (с. 87), а значит, ни Нарекаци, ни вообще кому-либо из смертных при всем желании не дано соединиться с ним пространственно, как истолковывалось это по традиции в рассмотренных нами выраженных со словом *ἄῤῥῆ*; сближение, единение могло быть только духовным, то есть во времени и к тому же через церковь, так что, неся церковное наказание, поэт **долгое (большое) время** чувствовал себя отдаленным, отрешенным от Бога.

О том, что в то время, когда писалась “Книга”, Нарекаци действительно подвергнут был наказанию, тяжело переживал это свое состояние и “Книгу” стал писать ради преодоления его, говорит он сам многократно и многообразно. Поскольку все это невозможно представить в рамках одной статьи, приведем лишь наиболее важные из таких признаний. В главе 20 поэт со всею ясностью говорит:

Днесь отвратился я от упования
Первоначально дарованной благодати,
Изменил ему, утратил его,
Ушел, удалился от него,
Отверг, безвозвратно отринул его.
Так прими меня, о господи,

Вновь уподобив меня образу души, –
Меня, как недостойного жизни,
Как приговоренного к смерти,
Как злодея, как бесчестного,
Как попранного сатаной,
Как [душою] неисцелимо преданного [ему],
Как достигшего недр смерти,
Как ставшего омерзительным,
Как *признанного недостойным* твоего призыва.
Как вообще преданного погибели,
Как обреченного на скитания, как преследуемого,
Как несчастного, // как отчаявшегося,
Как сломленного, как поверженного, как сокрушенного,
Как скорбящего, как душою тоскующего,
Как посрамленного (с. 81-82).

Далее, в главе 33, он высказывается с еще большей определенностью, вопрошая с удивлением:

Я удивлен: как я не сожжен еще?

Я восхищен: почему не горю?

Я изумлен: как не разграблен я –

Измученный, брошенный, истерзанный,

Разбитый, раздробленный, сломанный,

Зарезанный и измельченный,

Словно зубами погубителя, согласно Писанию (с. 122).

Таким образом, если все это сопоставить, сравнить с ранее приведенными высказываниями поэта, то станет очевидно, что о том же, в сущности, говорится в двух этих фрагментах. В приведенном нами в самом начале двустихии было сказано: “отдален”, и здесь мы видим целый ряд тому соответствий: отвратился, утратил, удалился, отверг, отринул: свои прямые соответствия находят здесь и слова (оригинала) из начальных стихов фрагмента главы 25 (что, к сожалению, не вполне отражает русский перевод); если в главе 15 поэт уподобил себя заблудшей овце, оторвавшейся от паствы, бродящей в горах, то здесь говорит о себе “ушел, удалился” (гл. 20), “измученный, брошенный, истерзанный” (гл. 33); если в главе 25 уподоблял себя “сломанному ковчегу”, “разбитому кораблю”, то здесь он “разбитый, раздробленный, сломанный” (гл. 33); наконец, если в главе 25 он надеялся, что, ведомый Богом, пойдет “на торжество под сенью света”, сможет вновь “взглянуть на храм святой” и узреть себя, заблудшую овцу, в пастве доброй воли всевышнего, то здесь (гл. 20) он просит: “... прими меня, о господи, /.../ Как признанного недостойным твоего призыва”.

Полагаем, картина еще более прояснится, если ко всему этому добавить, что в первом фрагменте главы 6 поэт представляет по сути основной целью написания “Книги” излияние скопившейся в нем боли и желчи, о чем и пишет:

Однако что хорошего в том или какая мне польза

Продлевать ряд скорбных своих песнопений,

Коли теряю я бодрость,

Вместо того чтобы выжечь гной,
Скопившийся в моих смертельных ранах,
Раскаленным железом слов моих
Или, с отвращением засунув палец [в гортань] и вызвав тем рвоту,
Отрыгнуть бремя скопившихся в сердце недугов,
Кои причиняют душе острую боль (с. 45).

Вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, прийти к заключению, что при истолковании приведенных употреблений слова միջոց в “Книге” Нарекаци со значением времени и соотношении такового с контекстом выявляются определенные факты, сведения о его жизни и деятельности, проясняются реальные стимулы и цели создания “Книги”, открывается возможность ее прочтения и понимания с новой точки зрения и в новом свете предстают нам жизнь, деятельность и литературное наследие поэта.

ՀՐԱԶԻԿ ՄԻՐԶՈՅԱՆ – Նարեկացու «Մատյանի» ընթերցման շուրջ –
Հոդվածում մանրամասն քննելով Նարեկացու «Մատյանում» միջոց բառի գործածության հանգամանքները՝ ռուսերեն և աշխարհաբար հայերեն թարգմանությունների համեմատական վերլուծության ճանապարհով հոդվածագիրը ցույց է տալիս, որ թեև բանաստեղծն այն գործածել է ժամանակային իմաստով, բայց ավանդաբար ընկալվել է ու մեկնաբանվել է հիմնականում տարածական իմաստով: Ըստ այդմ, հեղինակը եզրակացնում է, որ միջոց բառի ժամանակային իմաստով ընկալումը հնարավորություն է տալիս բացահայտելու բանաստեղծի կյանքի ու գործունեության մասին մինչ այժմ անհայտ իրողություններ, նորովի բացատրելու «Մատյանի» ստեղծման պատմական պայմաններն ու նպատակը:

HRACHIK MIRZOYAN – On Reading the “Book of Lamentations” by Narekatsi. – Thoroughly examining the circumstances of the usage of the word period in the “Book of Lamentations”, through comparative analysis of Russian and Ashkharhabar (New Armenian) the author of the article shows that though the poet used it in the meaning of time, it has traditionally been perceived and interpreted by the spatial meaning. Accordingly, the author concludes that the word period in terms of the perception of time makes it possible to identify previously unknown facts about the poet’s life and activity and to explain the historical conditions and purpose of creating the “Book of Lamentations” in a new way.